

Е.Н. ВИШНЕВСКАЯ, к.э.н., докторант кафедры экономической теории,
Донецкий национальный технический университет

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ СТРАН МИРА

В последние десятилетия в экономической литературе активно ведутся дискуссии о преимуществах "китайской", "шведской", "японской" и др. моделей экономических систем [1; 3; 5; 6; 14]. Сама постановка вопроса о национальных типах экономических систем означает, что неоклассическая экономическая парадигма, основанная на понимании поведения людей как рациональных эгоистических индивидов, которые действуют путем непрерывного вычисления и сопоставления выгод и издержек, постепенно теряет своё значение. Всё большую поддержку в экономической науке получают альтернативные парадигмы – институциональная (неоинституциональная) и эволюционная.

Институциональная теория даёт свой ответ на один из центральных вопросов современной глобальной экономики о причинах богатства одних стран и бедности других через различия в развитии социальных институтов, таких как поддержание правопорядка, принуждение к выполнению контрактов, защита прав собственности, отсутствие коррупции и др. [2, 560]. И это действительно очень важные факторы. Однако, как отмечает Дж. Даймонд: "... сегодня растёт понимание того, что "институциональный" подход к проблеме недостаточен ..." [2, 561], и важное значение имеют не только эффективные институты, но и другие непосредственные факторы: здоровье нации, климатические условия, состояние почв, неустойчивость окружающей среды и др. [2, 561].

Такая постановка вопроса уже затрагивает проблему генезиса самих институтов и требует использования эволюционной парадигмы, которая исходит из дарвинского видения мира как конкурирующих и одновременно сотрудничающих популяций организмов, и социального понимания поведения людей, обусловленного в том числе историческими обстоятельствами [16].

В целом же ни один из указанных подходов не является самодостаточным. Каждый из них отражает разные грани такого сложного явления, как экономические системы стран мира. Например, в рамках неоклассического подхода при рассмотрении типов моделей эко-

номических систем часто противопоставляют "либерализм" и "дирижизм" (или "активизм") – в зависимости от роли государства в хозяйственной системе [8; 18]. И хотя роль государства как института, корректирующего автономное функционирование хозяйственного механизма (либеральная роль), либо замещающего его в выполнении некоторых существенных для экономики функций (дирижерская роль), является важным фактором развития, но само по себе противопоставление современного либерализма и дирижизма явно недостаточно для правильного понимания эволюции и многообразия моделей экономических систем. Очевидно, что проблему следует анализировать с позиций более длительной исторической перспективы с учетом комплекса географических, природных, политических, социальных, культурных и иных факторов.

Поэтому целью настоящей статьи является идентификация этих факторов, выявление на этой основе общих признаков и закономерных связей между отдельными моделями экономических систем стран мира и разработка их типологии.

Если рассматривать новое время (с конца XV – начала XVI века, т.е. последние приблизительно 500 лет), то по геополитическому критерию различают несколько типов развития общества, материальной и духовной культуры (так называемых цивилизаций): африканскую, латиноамериканскую, западную, православленную, исламскую, индуистскую, синскую (китайскую), японскую [10; 11]. Каждому из них соответствуют особые экономические модели, передающие по наследству через пространство и время свои наиболее удачные черты. Историческое разнообразие таких моделей очень велико. Если же постараться выявить некое родовое единство, то, сильно упрощая ситуацию, можно выделить два основных типа геополитических моделей экономических систем:

(а) восточноазиатский – преимущественно территориально интенсивный, трудоемкий и энергосберегающий;

© Е.Н. Вишневецкая, 2011

(б) западноевропейский – преимущественно территориально экспансивный, капитал- и энергоемкий.

Восточноазиатская модель преобладала в исторический период с XVI до примерно середины XIX века. Она получила развитие прежде всего в Китае и Японии, суммарный ВВП которых в XVI-XVIII веках многократно превышал суммарный ВВП таких западных стран, как Великобритания и США (ставшими лидерами соответственно в XIX и XX веках) [1, 48]. Освобождение крестьян в XVII веке от кабальной зависимости, внедрение семейного фермерства, рост народонаселения при растущем дефиците земли – все эти факторы, вместе взятые, способствовали формированию в этих странах такого типа производства, который чрезвычайно зависел от инвестиций в человека. Крестьянам приходилось работать все больше и больше, но зато их труд приносил хорошие плоды, в результате чего исторически сложилась особая трудовая этика (что получило название "революции прилежания" [1, 43]). Территориальная экспансия не была условием успешного развития восточноазиатской экономической модели. Акцент делался не на захвате новых жизненных пространств, а лучшим использовании внутренних ресурсов. Но, не принимая активного участия в гонке вооружений, Восточная Азия оказалась уязвимой перед военным натиском европейских государств, прилагающих большие усилия к расширению своих территорий.

Примерно с середины XIX по конец XX века восточноазиатский тип экономических систем был сильно потеснен западноевропейским, и только в последнее время (конец XX – начало XXI века) он начал опять выходить на передовые позиции в мире.

Западноевропейский путь капитализма – от итальянских городов-государств и буржуазной голландской республики, впервые создавшей мировую торговлю и колониальную систему в отдельных районах Африки и Азии, через национальное индустриальное островное государства Британию, которая стала центром империи, опутавшей своими сетями весь морской и континентальный мир, к новой постиндустриальной суперимперии – США, "острову" размером с континент, – которая распространила свои национальные интересы на весь мир, используя для этого, помимо экономических аргументов, силовое давление посредством беспрецедентной в человеческой истории империи военных баз. Особенность западноевро-

пейского пути – сочетание капитализма, индустриализма и милитаризма. Поскольку капитал время от времени накапливается в больших размерах, чем может усвоить данная территория, постольку капитализм требует вовлечения в систему накопления всё новых и новых пространств. При этом, как отмечает известный американский социолог и экономист Джованни Арриги, "... успех Запада, пошедшего путем материального процветания, промышленной революции, строился на лишении большей части населения Земли доступа к природным и человеческим ресурсам, необходимым для получения прибыли, а не только для того, чтобы взвалить на себя тяготы глобальной индустриализации" [1, 425].

В последнее время (конец XX – начало XXI века) западноевропейский тип экономических систем постепенно теряет свои позиции в мире.

По критерию *способа формирования и использования национального богатства* можно условно выделить модели экономических систем, ориентированные на:

(а) природные богатства (природный капитал);

(б) рукотворные богатства (созданный трудом человека материальный и нематериальный капитал).

При оценке национального богатства часто акцент делается прежде всего на физическом капитале, созданном трудом людей: зданиях, сооружениях (включая объекты инфраструктуры), машинах и оборудовании. Однако если говорить о более полном исчислении богатства, то в него следует также включать:

- природный капитал (невозобновляемые природные ресурсы, т.е. сокращающиеся по мере их использования, например нефть, и возобновляемые природные ресурсы, например ресурсы биосферы);

- нематериальный капитал, включающий непосредственно труд (расходы на оплату труда), человеческий капитал (запас человеческих знаний и навыков), социальный капитал (уровень межличностного доверия, характер социальных взаимодействий в обществе) и качество институтов (формальных и неформальных норм поведения с механизмами принуждения к их выполнению).

Причина, по которой природному и нематериальному капиталу обычно уделяют меньше внимания, заключается в сложности их количественной оценки.

Оценки общего богатства по странам

мира свидетельствуют, что способ его использования действительно имеет важное значение. Так, модели экономических систем наиболее развитых стран в большей мере основаны на приумножении и последующем использовании рукотворных богатств, прежде всего нематериального капитала, который достигает более 80% в структуре их национального богатства (рис. 1), а модели наименее развитых – на использовании природных богатств, прежде всего земель сельскохозяйственного назначения.

Это, однако, не означает, что природные ресурсы не имеют большого значения для сбалансированного развития страны. Напротив, страны с высокими доходами (по классификации Всемирного банка) обладают природными богатствами в расчете на душу населения в размере 9,5 тыс. долл., а бедные – только 2,1 тыс. долл. (за исключением стран-экспортеров нефти). При этом в развитых странах полезные

ископаемые составляют 3,8 тыс. долл./чел. (40% их природного капитала), а в бедных странах – только 0,5 тыс. долл./чел. (23% их природного капитала), а около 70% природного капитала бедных стран (исключая экспортеров нефти) составляют пахотные земли и пастбища [19].

По критерию отношения непосредственных производителей к средствам производства можно выделить модели экономических систем, в которых:

(а) непосредственные производители имеют контроль над средствами производства (в том числе над природными ресурсами);

(б) непосредственные производители такого контроля в своей массе лишены, а поэтому вынуждены продавать свою рабочую силу организаторам производства, подчиняться выдвигаемым с их стороны требованиям.

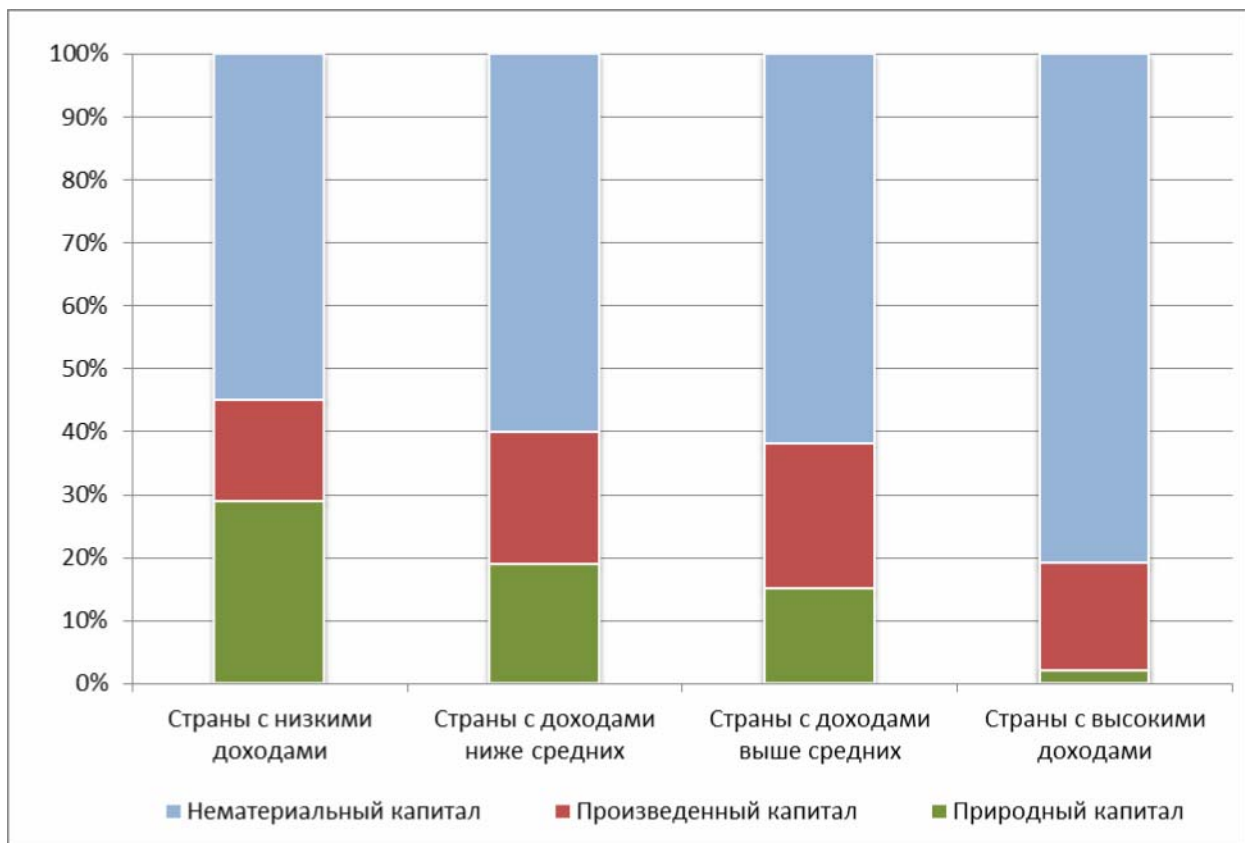

Рис. 1. Структура национального богатства по группам стран мира (2000 г.)¹

¹ Составлено по: [19, 26].

Закрепление права контроля над экономическими ресурсами за отдельными людьми, их группами или обществом в целом связано с понятием собственности. Обычно различают два противоположных вида собственности: частную и общественную. Считается, что частная собственность на средства производства лишает непосредственных товаропроизводителей контроля над ними, а общественная – нет. Хотя это несколько упрощенный подход (частная собственность может быть собственностью человека, который трудится сам, а общественная собственность может быть узурпирована чиновниками, от имени общества распоряжающимися средствами производства), но в целом он дает правильные ориентиры для определения типа отношений непосредственных производителей к экономическим ресурсам.

Средства производства можно подразделить на созданные природой (природные ресурсы или природный капитал) и созданные человеком (рукотворный материальный и нематериальный капитал).

Природные ресурсы обычно считаются общенародным достоянием. Такое положение имеет давние философские корни. Как писал К. Маркс: "Даже целое общество, нация, и даже все общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею, и, как *boni patres familias*², они должны оставить ее улучшенной последующим поколениям" [4, 337]. Поэтому в большинстве стран, где конституции специально устанавливают отношение к природным ресурсам, собственность на них принадлежит государству-суверену, или, как обычно выражаются, – "народу" ("*the people*").

Что касается собственности на рукотворные средства производства, то в рыночной экономике она обычно является частной.

Переворот в этом отношении совершила Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в России. Она создала первый прецедент в новое время, когда большая часть средств производства была передана в собственность организованного общества и частная собственность заменена общественной в форме государственной. Впоследствии под влиянием Октябрьской революции аналогичные преобразования произошли еще в ряде стран Европы, Азии и Латинской Америки, которые вместе составили в XX веке мировую социалисти-

ческую систему.

Успехи социализма после окончания Второй мировой войны побудили многие капиталистические западноевропейские государства национализировать часть промышленности, транспорта, связи, банков и т.д. Например, во Франции в собственность государства перешли предприятия угольной промышленности, авиамоторные заводы, предприятия по производству электроэнергии и газа [13, 61].

Позднее, вследствие кризиса кейнсианских механизмов государственного регулирования капиталистической экономики и неоконсервативной революции 1980-х годов во многих западных странах прокатилась волна реприватизации (т.е. приватизации ранее национализированной частной собственности). Но даже на родине европейского неоконсерватизма – Великобритании, несмотря на проведенную в середине 1980-х годов реприватизацию объектов ряда отраслей (угольной промышленности, энергетики, железнодорожного транспорта) [12, 101], государственный сектор все еще продолжает играть заметную роль в отдельных хозяйственных сферах.

Кризис централизованной плановой экономики, основанной на государственной собственности, наиболее остро проявившийся к концу 80-х годов XX века, привел к распаду мировой социалистической системы и переходу многих бывших социалистических стран на путь капиталистического рыночного хозяйства и приватизации большей части средств производства. Теперь в этих странах формы собственности, предполагающие контроль непосредственных производителей над средствами производства, занимают меньшую часть экономики (например, в РФ в последние годы в государственной и муниципальной собственности находится около 10% предприятий и организаций). Однако, например, в социалистическом Китае (согласно Конституции КНР – это социалистическое государство демократической диктатуры народа), который нашел собственный путь постепенных рыночных преобразований и уже имеет в мире второй по размерам ВВП, главное природное богатство и средство производства – земля – по-прежнему остается в собственности государства и не может быть объектом купли-продажи.

Последняя волна национализации средств производства прокатилась в период очередного финансово-экономического кризиса капитализма 2008-2009 гг. В большей степени она затронула коммерческие банки, кото-

² "*Boni patres familias*" – добрые отцы семейств (лат.).

рые сильнее других предприятий пострадали от кризиса. Рекордсменом в этом отношении стала Исландия, где в 2009 г. были национализированы сразу три финансовых учреждения, включая крупнейший банк страны (Kaupthing Bank) [9]. Национализация банков – полная или частичная (посредством приобретений крупных пакетов акций) – прошла также в Великобритании, Германии, Бельгии, Нидерландах, Люксембурге и некоторых других странах.

В целом же экономическая история свидетельствует, что ни одна из форм собственности не имеет безоговорочных преимуществ. Многое зависит от конкретно-исторических условий, в которых осуществляется контроль над экономическими ресурсами. Поэтому в наиболее успешных развитых странах, как правило, практикуются такие комбинации форм собственности, которые лучше всего подходят к местным условиям.

Институционально-координационный критерий характеризует, кем и как осуществляется координация хозяйственной деятельности обособленных производителей товаров и услуг в экономике. Для этого могут использоваться два основных механизма: децентрализованный рыночный и централизованный плановый. Соответственно можно выделить и два основных полюсных типа моделей экономических систем:

(а) основанные на рыночном ценообразовании;

(б) основанные на централизованном планировании.

Рыночное ценообразование – это саморегулируемый механизм, соединяющий производителей товаров и их потребителей на основе взаимодействия спроса и предложения. Установленные таким образом цены служат сигналами того, что, как и сколько нужно производить.

Субъекты рынка, ведомые личными интересами, свободно распоряжаются принадлежащими им ресурсами, так стремясь повысить свое благосостояние. Свобода выбора ими образа действий служит основой для конкуренции, которая предполагает:

- наличие на рынке большого числа независимо действующих экономических агентов – покупателей и продавцов;
- свободный выход и вход экономических агентов на те или иные рынки;
- свободное перемещение всех видов ресурсов (материальных, финансовых, трудо-

вых) в сферы более выгодного применения.

Для того чтобы децентрализованный рыночный механизм нормально функционировал, требуется наличие соответствующей институциональной среды – совокупности норм формальных (законов, подзаконных актов, правил) и неформальных (традиций, обычаев и т.д.), а также механизмов принуждения к их соблюдению, которые ограничивают свободу рыночных субъектов и направляют ее в определенное русло. Без такой институциональной среды, как показал опыт рыночных преобразований в бывших социалистических странах, рассчитывать на эффективную рыночную координацию хозяйственной деятельности не приходится.

Государство в моделях экономических систем, основанных на рыночном ценообразовании, устанавливает "правила игры" (предоставляет законный статус экономическим агентам, защищает права собственности, принуждает к выполнению контрактов), защищает конкуренцию, корректирует рыночные провалы методами кредитно-денежной и бюджетно-налоговой политики.

Централизованное планирование – это рукотворный, опирающийся на познание объективных экономических законов развития общества и направляемый человеком механизм соединения производителей и потребителей товаров, действующий на основе предписаний о том, что, как и сколько производить. На практике для этого создается специальный центральный государственный орган (например, в бывшем СССР – Госплан), призванный регулировать инвестиции, объемы и ассортимент производства товаров и услуг, цены продуктов, ставки заработной платы трудящихся и др.

Большая часть средств производства в централизованно регулируемом плановом хозяйстве принадлежит государству. Это гарантирует, что государственные задания по производству продукции и оказанию услуг будут приняты к выполнению. В том случае, если в национальном хозяйстве преобладает частная форма собственности, может применяться индикативное (направляющее) планирование, которое не имеет директивного характера и оперирует такими показателями-индикаторами, как индексы изменения экономических величин, структурные пропорции (например, между отраслями), динамика учетных ставок, валютных курсов и др.

Координирующее равновесие в моделях

экономических систем, основанных на рыночном ценообразовании, формируется за счет свободного взаимодействия спроса и предложения. В моделях же, основанных на централизованном планировании, для этой цели служит составление балансов народного хозяйства.

В бывшем СССР их основу составляла система натуральных материальных балансов, которая охватывала сотни основных видов продукции (по схеме "остатки продукции на начало периода + поступление ресурсов = остатки на конец периода + расходы в течение периода"), и межотраслевой баланс в натуральном и стоимостном выражении (то, что в западной экономической литературе получило название метода "input-output"). Важную самостоятельную роль в планировании розничного товарооборота и денежном обращении играли также баланс денежных доходов и расходов населения и другие стоимостные балансы, прежде всего баланс доходов и расходов государства (государственный бюджет).

Сравнение моделей экономических систем, использующих децентрализованный рыночный и централизованный плановый координационный механизмы, не показывает явных преимуществ одной из них. Как и в случае с формами собственности, многое зависит от того, как эти модели используются, в какой институциональной среде. Каждая из них имеет свои преимущества и недостатки. В чистом виде ни централизованное планирование, ни децентрализованное регулирование на основе рыночного ценообразования уже почти не встречаются. В современном мире преобладает смешанная экономика, основанная на взаимодействии рыночных и плановых механизмов, действующих на разных уровнях национального хозяйства. Одним из примеров успешного сочетания таких механизмов служит экономика Китая, где в процессе реформ система директивного планирования не была отброшена (как, например, в Украина или РФ), а трансформирована на макроуровне – в направляющий (индикативный) тип планирования и на микроуровне – в децентрализованное планирование индивидуальных хозяйств [15].

По критерию роли государства в решении социально-экономических проблем, перераспределении доходов и богатства, устранении бедности можно выделить модели экономических систем:

- (а) либерально ориентированные;
- (б) социально ориентированные.

Либерально ориентированные модели основаны на постулате свободы личности, суждении о том, что индивидуальные свободы человека составляют правовой базис общества и экономического порядка, а государство должно быть минимальным, выполняющим защитные функции, так как только при этом условии оно может быть эффективным и морально оправданным.

По мнению сторонников экономического либерализма, в свободной рыночной экономике все трансакции (сделки, соглашения), по определению, происходят на добровольной основе, так что не только не нарушаются ничьи права, но и отпадает проблема справедливости [7]. Однако поскольку вполне добровольное соглашение одних рыночных агентов может означать нарушение прав других, постольку необходим механизм защиты, действие которого и призвано обеспечить государство.

Что касается регулирования экономики, перераспределения доходов, выполнения государством социальных функций, то всё это считается неоправданным, поскольку требуемая от властей помощь (рабочие требуют защиты от увольнений, фермеры – высоких цен на сельскохозяйственную продукцию, неудачливые предприниматели – государственной поддержки бизнеса и т.д.) означает, по мнению сторонников либерализма, ни что иное, как оплату претензий одних людей за счет других. А поэтому любые действия государства сверх защитных функций они воспринимают как акты несправедливости и нарушение неотъемлемых прав граждан. Последние же должны требовать не преференций, а равных условий для получения возможности самостоятельно, своими усилиями обеспечить себя желаемыми благами.

Социально ориентированные модели, в отличие от либеральных, основаны на представлении о том, что не каждый человек сам по себе, а государство должно брать на себя ответственность за благосостояние граждан, гарантируя им достойный уровень жизни и необходимый набор социальных благ: обеспеченность жильем, возможность получить образование, занятость, пенсионное обеспечение и др. Для денежного покрытия таких расходов используются налоги с граждан и предприятий (обычно прогрессивные), которые поступают в распоряжение центрального правительства, органов регионального и местного самоуправления, а затем перенаправляются ими либо на

финансирование общественных благ (общедоступных учреждений образования, здравоохранения, науки, культуры и т. д.), либо на выплату так называемых социальных трансфертов – помощи в денежной и натуральной формах непосредственно отдельным гражданам или же через различного рода государственные и некоммерческие организации (благотворительные, профессиональные и др.).

На практике современные социально ориентированные государства начали формироваться еще в конце XIX века. Примером может служить Германия при Бисмарке, где получила развитие система социального страхования, отдельные элементы которой были позаимствованы Австрией, Францией Норвегией и др. В XX веке в Европе стали широко известны своей социальной направленностью скандинавские страны (Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия). В этих государствах взимаются более высокие налоги, чем во многих других, поступления от которых используются для обеспечения высокого уровня социальной защищенности граждан.

Примером либерально ориентированных государств могут служить страны англосаксонской группы (табл. 1).

Как следует из приведенных данных, в начальной ситуации (до государственного вмешательства) уровень бедности в странах с

социально ориентированными моделями экономики был приблизительно таким же, как и в странах с либеральными моделями. Однако после государственного вмешательства ситуация становится существенно иной: средний уровень бедности в первой группе стран более чем в 2 раза ниже, чем во второй. Однако такой социальный результат иногда дается дорогой ценой. Общеизвестно, что высокие налоги в скандинавских странах препятствуют экономическому росту.

Таким образом, если принять во внимание все перечисленные критерии – геополитический, способы формирования и использования национального богатства, отношение к средствам производства, институционально-координационные особенности, роль государства в решении социально-экономических проблем, а также их возможные сочетания во времени и пространстве, – становится очевидным, что различных способов развития экономики очень много. И только условно можно выделить некоторые наиболее устойчивые типы.

Так, среди стран западноевропейских (по геополитическому критерию) можно выделить два наиболее распространенных типа моделей: *англосаксонский* и *континентально-европейский*.

Таблица 1.

Показатели, характеризующие усилия правительств отдельных стран мира по снижению бедности (в среднем за период 1970-1997 гг.)³

Страны	Уровень бедности* до вмешательства государства (до налогообложения и трансфертов)	Уровень бедности* после вмешательства государства (после налогообложения и трансфертов)	Процент снижения бедности
Швеция	14,8	4,8	64,5
Норвегия	12,4	4,0	67,2
Дания	17,2	4,8	71,5
Финляндия	12,1	3,4	69,1
В среднем по группе	14,1	4,3	68,1
Австралия	16,2	9,2	42,2
Великобритания	16,4	8,2	48,7
Канада	17,1	11,9	29,9
США	17,2	15,1	12,1
В среднем по группе	16,7	11,1	33,2

*Уровень бедности – процент домохозяйств с главой семейства в возрасте от 25 до 59 лет, которые располагают доходами меньше 50% от средних доходов домохозяйств в стране.

³ Составлено по: [17, 36].

Англосаксонский тип (США, Канада, Великобритания, Австралия) отличается явным преобладанием частной собственности на средства производства и рыночного координационного механизма, относительно ограниченной ролью государства в экономике, опорой на богатые природные ресурсы. Он построен на системе всемерного поощрения предпринимательской активности. Малообеспеченным группам создается приемлемый уровень жизни за счет частичных льгот и пособий. Задача достижения социального равенства здесь вообще не стоит. Этот тип предполагает массовую ориентацию на достижение личного успеха. Его недостатками считаются социальное неравенство, иногда невысокое качество общественных товаров.

Континентально-европейский тип отличается более активной ролью государства в экономике и более весомой долей государственной собственности на средства производства (по сравнению с англо-саксонским), сильной социальной политикой, большим использованием возможностей планового координационного механизма при явном преобладании рыночного координационного механизма. Доля государственных расходов часто достигает 50% ВВП, причем около 1/3 этих расходов обычно направляется на социальные цели, что возможно только в условиях высокого налогового бремени. К числу его недостатков относятся: иждивенческие настроения населения, меньшие темпы экономического роста.

Европейский тип неоднороден. В его рамках можно выделить три относительно самостоятельных вида.

Первый вид – *центрально-европейский*. Его представителями можно считать Германию, Францию, Австрию, Бельгию, Нидерланды, Швейцарию. Для него характерны относительно высокие объемы перераспределения ВВП через бюджет (около 50%), формирование страховых фондов за счет работодателей, развитая система социального партнерства, стремление к поддержанию полной или, по крайней мере, высокой занятости.

Второй вид – *средиземноморский* – реализуется в странах Южной Европы (Италии, Испании, Греции, Португалии). Социальная политика преимущественно адресована социально уязвимым категориям граждан и не носит всеобъемлющего характера. Несмотря на относительно невысокие налоги, в средиземноморских странах сохраняется традиционно высокий (по европейским меркам) теневой

сектор экономики.

Третий вид – *скандинавский* – характерен для Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии. Он отличается наиболее активной социальной политикой, очень высокими (иногда более 50% ВВП) объемами перераспределения национального продукта через систему бюджетов, реализацией идей социальной солидарности, низким уровнем коррупции, интенсивностью технологических нововведений при относительно низких стимулах к труду.

Среди стран восточноазиатских (по геополитическому критерию) также можно выделить два наиболее распространенных типа моделей: японский и китайский.

Для японского типа характерны восточные ценности, определяющие формальные и неформальные правила поведения, относительно бедные природные ресурсы, преобладание частной собственности на средства производства, ориентация на научно-технические инновации, что способствует поддержанию относительно высокой конкурентоспособности продукции на мировых рынках. Препятствий имущественному расслоению не ставится. Такая модель эффективна при условии высокого уровня национального самосознания, готовности населения идти на определенные материальные жертвы ради процветания страны.

Китайский тип, как и японский, основан на традиционных восточных ценностях, но в отличие от последнего в большей степени опирается на местные природные ресурсы, государственную собственность на средства производства, плановый координационный механизм. Китайский тип имеет явную социальную направленность. В сфере производства преобладают трудоемкие технологии, которые создают конкурентные преимущества выпускаемым товарам. Похоже, что в рамках китайского типа рождается удачное сочетание плана и рынка, обеспечивающее устойчивое поступательное развитие экономики. Так ли это на самом деле, покажут события ближайших лет.

Наконец, следует указать на модели, которые находятся на стадии формирования, или на же стыке различных материальных и духовных культур, а поэтому не считаются типовыми: это модели постсоветских стран, Индии, латиноамериканских и африканских стран. Все они характеризуются своей институциональной спецификой, которая во многом зависит от промежуточности их положения во времени и пространстве (как, например, Россия, идущая путем трансформации планового хозяйства в

рыночное и расположенная сразу в двух частях света – Европе и Азии) и определяет пути развития национальных хозяйств. В эту же группу входит и Украина, которая всё ещё остаётся на историческом перепутье.

Подводя краткие итоги, следует отметить, что предложенная типология моделей экономических систем стран мира не является полной и единственно возможной. Учитывая сложность предметной области исследования, исчерпывающую их типологию, по-видимому, нельзя создать в принципе. Тем не менее, она даёт важные ориентиры для обоснования новых путей развития национальных экономик, многие из которых ещё не оправались после мирового финансово-экономического кризиса. Особенное значение такой поиск имеет для Украины, которой только предстоит сделать свой исторический выбор адекватной модели развития с таким сочетанием геополитических ориентиров, природных факторов, институтов и экономики, которое способно обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследие XXI век / Пер. с англ. Т. Менская. – М.: Ин-т общественного проектирования, 2009. – 456 с.
2. Даймон Дж. Ружья, микробы и сталь: история человеческих обществ / Джаред Джаймонд, пер. с англ. М. Колопотина. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 604 с.
3. Европейская социальная модель // Экономика и управление в зарубежных странах, – 2007, № 1. – С. 23-35.
4. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Т. 3. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 25. Часть 2. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1962.
5. Модели развития мировой экономики // Экономика и управление в зарубежных странах, – 2007, – № 10. – С. 12-24.
6. Нестеренко А. Социальная рыночная экономика: концептуальные основы, исторический опыт, уроки для России // Вопросы экономики. – 1998. – №8. – С. 71-84.
7. Раквиашвили А. Либертарианская концепция государства: логика и мораль // Вопросы экономики, – 2009, – № 9. – С. 119-131.
8. Танци В. Роль государства в экономике: эволюция концепций // МЭиМО. – 1998. – № 10. – С. 51-62.
9. Тотальная национализация // <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2008/10/10/164298>.
10. Хангтингтон С. Запад уникален, но не универсален// МЭиМО, – 1997,– № 8. – С.84-93.
11. Хангтингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хангтингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО "Издательство АСТ", 2003. – 603 с.
12. Хесин Е. Великобритания // МЭиМО, – 2001, – № 8. – С. 98-108.
13. Хрусталёва Н. Франция на исходе столетия: смена моделей регулирования экономики // МЭиМО, – 2004, – № 6. – С. 61-70.
14. Шніцер М. Порівняння економічних систем / Пер. з англ. – К.: Основи, 1997. – 519с.
15. Chow G. The Role of Planning in China's Market Economy // Journal of Chinese Economic and Business Studies, 2005, vol. 3, issue 3. – Pp. 193-203.
16. Hamilton D. Evolutionary Economics: a Study of Change in Economic Thought. New Brunswick, London: Transaction Publisher, 2004. – 182 с.
17. Moller S., Huber E., Stephens J.D., Bradley D., Nielsen F. Determinants of Relative Poverty in Advanced Capitalist Democracies // American Sociological Review, 2003, Vol. 68, № 1. – Pp. 22-51.
18. Roland G. Transition and Economics: Politics, Markets, and Firms. – London, Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2000. – 400 p.
19. Where is the Wealth of Nations? Measuring Capital for the 21st Century. – Washington, D.C.: The World Bank, The International Bank for Reconstruction and Development, 2006. – 188 p.

Статья поступила в редакцию 06.04.2011